Отметим, однако, что такое словотворчество у С.А. Есенина не выходит за пределы узуальной нормы.

3. *Вторичная номинация в переносном плане* проявляется у имени собственного в форме сравнения, метафоры, перифразы, метонимии, олицетворения. Например, у С.А. Есенина в поэме «Страна негодяев»:

Но у меня была душа,

Которая хотела быть *Гамлетом* (курсив наш – Е.Б.)

(III, 115).

Специфику художественной ономастики составляет проблема подхода различных писателей к выбору имен для своих героев: одни берут имена из жизни, другие сами являются творцами онимов. Но и в том и другом случае выбор имени не случаен. И главной задачей ономаста является раскрыть ту тайну имени, которую завещал нам писатель. Для этого необходим комплексный анализ всех онимов в творчестве писателя: антропонимов, топонимов, зоонимов, астронимов и др., а это в свою очередь обязывает к подробному анализу «публицистики, мемуаров самих писателей, воспоминаний современников о них, писем, записных книжек и дневников, – то есть тех документов, которые вживую могут пролить свет на подробности ономастического творчества писателя, приоткрыть дверь в его ономастическую лабораторию» (Ковалев 2002, С. 9). Возможно, именно такое понимание проблемы послужило толчком к более интенсивному развитию ономастики во 2-ой пол. XX века, а заодно и к повышению интереса к ней в целом.

Интерес к имени собственному в художественном тексте – это, пожалуй, самый мощный фактор, сближающий писателя с читателем. Притом «чем крупнее автор, тем тщательнее он подбирает имена своим героям» (Никонов 1974, С. 233). Истинный творец всегда заинтересован в том, чтобы имя «заговорило», а чуткий и внимательный к слову читатель всегда стремится услышать дыхание имени. Искренне надеемся данной статьей продолжить диалог С.А. Есенина с читателем, используя неисчерпаемый ресурс онимов в художественном тексте.

1. Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти т. / С.А. Есенин – М.: Художественная литература, 1986.
2. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 447с.
3. Ковалев Г.Ф. Ономастические этюды. Писатель и имя / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 2002. – 274.
4. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278.

Магомедов Д.М.

Некоторые синтаксические особенности диалектов аварского языка

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
(Россия, Махачкала)*

doi: 10.18411/spc-26-05-2020-02

idsp: sciencepublic-26-05-2020-02

Abstract

The article explores some syntactic features of Avar dialects.

The syntactic phenomena of dialects are analyzed with the indication of features common with the literary language, as well as features that are not characteristic of the literary language. The study of dialects and dialects provides valuable material for the development of questions of the history of the formation of the Avar language, its historical dialectology.

Синтаксический строй аварских говоров (в отличие от лексического, фонетического и морфологического) характеризуется меньшим числом ярких

диалектных различий. Диалектные различия проявляются в способах построения словосочетания, в способах выражения сказуемого, в своеобразном употреблении послелогов и т. д.

В аварском литературном языке представлены своеобразные синтаксические черты, отсутствующие в диалектах. Так, в диалектах отсутствуют назывные предложения, которые встречаются в литературном языке. Например: *Рокъи. ТалихI. Лъимер. ЦIва* (Гъ.Гъ.) «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда»; *Март. ГъутIби. ДургI дирги плац* (Гъ.Гъ.) «Март. Деревья. Твой и мой плащ» и др. Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения с одним главным членом в качестве организующего центра высказывания, таким образом, являются новым явлением в синтаксисе аварского языка. Вероятно, этот тип предложений аварский литературный язык заимствовал из русского языка [3, с. 37].

Возможны ли предложения, в которых вовсе нет предикативности? Разумеется, да. Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то конечно, в нем нет и предикативности. Так, например, нет предикативности в назывных предложениях типа: *Их. Тугъдул. Хинал къоял*. «Весна. Цветы. Теплые дни».

Определенные различительные явления наблюдаются в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, послеложные конструкции карахского диалекта соотносительны с формой имени в локативе V серии литературного языка: *гъутIода ахакъ* (карах. диал.) – *гъотIокъ* (лит. яз.) «под деревом»; *чода ъад* (карах. диал.) – *чотIа* (лит. яз.) «на коне», *вэгъзилъ циве* (карах. диал.) – *вачIиналде* (лит. яз.) «прежде чем пришел» и т.д. Необходимо отметить, что в аварском литературном языке в равной степени употребительны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *гъотIокъ – гъотIода гъоркъ* «под деревом», *хъагиниб – хъагида жаниб* «в кастрюле» [2, с. 154].

К различительным явлениям, связанным со структурой предложения, относится также различие в оформлении вопросительных предложений. Характерным для карахского диалекта вопросительным предложениям типа *Дуль ъэхъ цIалури?* «ты книгу прочитал?» в литературном соответствуют предложения типа *Дуца тIехъ цIаланиц?* с тем же значением. Особенность структуры вопросительного предложения в карахском диалекте заключается в том, что при оформлении вопросительного предложения выпадает элемент частицы *-иц*, обязательно присутствующий в литературном языке. Данные схемы предложения распространены в говорах южных диалектов.

Известно, что диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. В этом отношении большой интерес представляет закатальский диалект, где категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Глагол закатальского диалекта в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дуй вортIолов* «я упал» (I лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» и т.д. [1, с. 18].

Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги*. Союз же *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается. Например: *ъэмен ва ъэбел // ъэменги ъэбелги* «отец и мать» (лит. яз.) ~ *ъиминги ъибелги* (карах. диал.). Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций.

В карахском диалекте не употребляется транслатив, который встречается в литературном языке. Аналогичные случаи в карахском передаются описательно, либо послеложными конструкциями: *Дав вэгъур роснаса тиру* «он пришел через селение» ~

ср. в лит. яз.: *Дов вачІана росульѧн; кьода асса* «через мост» (карах. диал.) ~ *кьодасан* (лит. яз.) и др.

В кегерском говоре андалальского диалекта личное местоимение 1-го и 2-го лица именительного падежа множественного числа употребляется в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [6, с. 14]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргативный падеж: *нижеца чед кванана* и *нужеца чед кванана*.

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов отмечает следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-ой серии вместо местного падежа 1-ой и 2-ой серий, существующих для этого в литературном языке. Например: *Балая ханассул васассэ* (направительный падеж 1-ой серии) «посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагьея ханассул васассухъ* (местный падеж 2-ой серии) [5, с. 371]. Такое же смещение падежных функций мы наблюдаем в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1 лица ед. числа употребляется местоимение 2 лица мн. ч. К таким приемам прибегают с целью унижения собеседника, передачи возмущения, несогласия.

В фольклорных текстах могут сохраняться более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, уже утраченные в литературном языке. Так, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, передаваемого финитной формой. Однако в произведениях устного народного творчества встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности, причастия употребляются в предложениях самостоятельно. В таких предложениях полностью отпадает необходимость употребления финитных форм, например: *Борхатаб магІарда Іигин вукІадго тІогъараб магІарде вахун вукІарав* (М.Х.К.) «Находясь с отарой высоко в горах, взобрался на цветущую гору». Здесь вместо финитного глагола *вукІана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукІарав* «бывший, находящийся». Сила предикативности данной причастной формы настолько интенсивна, что она замещает финитную форму и превращает словосочетание в предложение. Подобные факты, на наш взгляд, уже сами по себе могут служить убедительным аргументом того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, постепенно утраченный в ходе развития языка. В настоящее время в случаях (весьма, впрочем, редких) причастие может употребляться вместо глагола [4, с. 158].

Аналогичное явление наблюдается также и в аварских народных пословицах и поговорках: *Кету рихаразда гІункІлаз къвал балеб* (А.Х.К.) «Мыши обнимают тех, кому ненавистен кот»; *Къуваталдаса Іакълу бергъунеб* (А.Х.К.) «Ум побеждает силу»; *КІкІуй гъечІеб цІа букІунареб* (А.Х.К.) «Нет дыма без огня»; *ЛъикІлъи хІехъоларес квеишІи хІехъолеб* (А.Х.К.) «Кто не терпит хорошее, тот терпит плохое» и т.д. Здесь вместо финитных форм употреблены инфинитные формы: *балеб* – *бала* (лит. яз.); *бергъунеб* – *бергъуна* (лит. яз.); *букІунареб* – *букІунаро* (лит. яз.); *хІехъолеб* – *хІехъола* (лит. яз.). Как видим из примеров, причастия-предикаты в аварских пословицах и поговорках соотносительны с финитными формами современного литературного языка.

Однако для аварского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс (предикативность причастий) завершенным: до сих пор иногда встречаются конструкции с причастиями в функции предиката. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что

же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты. В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения.

1. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949. 279 с.
2. Магомедов Д.М. Из истории изучения диалектов аварского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). – Уфа, 2015. – С. 152–155.
3. Магомедов М.И. Структура простого предложения в аварском литературном языке и в его диалектах // Дагестанский лингвистический сборник. Выпуск 3. М., 1996. С. 35–40.
4. Магомедов М.И. Роль диалектов в процессе становления лексических норм аварского литературного языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 155–159.
5. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.-Л., 1959. 511 с.
6. Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948. С. 5–18.

Магомедов М.И.

Некоторые способы образования сложных имен существительных в аварском языке

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
(Россия, Махачкала)*

doi: 10.18411/spc-26-05-2020-03

idsp: sciencepublic-26-05-2020-03

Abstract

The article is devoted to the study of some ways of forming complex nouns in the Avar language.

Compound words form a significant part of the vocabulary of the Avar language. They can be found among all the significant parts of speech. But most of them are among nouns.

Словосложение считается древнейшим типом словообразования. Структурные взаимоотношения компонентов сложных слов близки к лексико-грамматическим взаимоотношениям слов, входящих в синтаксические словосочетания. В смысловом плане взаимоотношения частей сложного слова повторяют взаимоотношения слов – членов словосочетания, отличаясь от них в грамматическом плане: *буртинадул хьитал* (*буртинадул* род.п. от *буртина* «бурка», *хьитал* «обувь») – «обувь из бурки» – *буртинахьитал* «бурки» (сапоги из бурки); *бетараб рахь* «свернувшееся молоко» – *бетарахь* «простокваша»; *рахчулеб рукь* «прятающая комната» – *рахчирукь* «прятки» (детская игра); *бецццулеб хле* «просачивающий воск» – *хлебецццл* «ушная сера» и т. д. Структуры приведенных словосочетаний и образованных от них сложных слов отличаются друг от друга: последние теряют окончания, происходят разные фонетические изменения, разный порядок расположения компонентов. Отношения между компонентами словосочетания выражаются открытыми грамматическими